

Окончание. Начало — на стр. 1

ВТОРЫМ НАПРАВЛЕНИЕМ главных ударов в развёртывающемся контрастном туплении мировой верхушки стало растущее давление на рабочий класс и средний слой ядра. Конкретными формами стали тэтчеризм в Великобритании и рейганомизм в США: "планировщики" использовали эти "стратегии" для ухудшения экономических и политических позиций групп-мишеней. Ещё хуже пришлось средним слоям полупериферии: в 1980-е годы Запад снёс ориентированный на госсектор средний слой Латинской Америки и наиболее развитых стран Африки, таких как ЮАР и Нигерия.

Как и у торможения промышленного и научно-технического развития, у "восстания элит" было идеюное обоснование. Его обеспечила созданная в 1973 году (опять же под эгидой в основном Рокфеллеров) новая структура — Трёхсторонняя комиссия. По её заказу в 1975 году три автора, представлявшие и символизировавшие США (С. Хантингтон), Европу (М. Крозье) и Японию (Дз. Батануки), подготовили доклад "Кризис демократии". В нём утверждалось, что главную опасность для политического строя Запада (читай: для сохранения власти и привилегий североатлантической верхушки) представляет не Советский Союз, не внешний фактор, а внутренний — избыток демократии на самом Западе. В связи с этим предлагалось начать вносить в массы определённую дозу социальной апатии и разъянения, что наряду с демократией важны также опит (expertise) и "высокий статус" (seniority — можно также перевести как "старшинство"), а сама демократия — это не столько ценность, сколько политическая технология. Классовые смысл и содержание документа очевидны: то была идейная артподготовка для контрнаступления элит, для их реванша над простонародьем, социальной мести за полвека его успехов.

Третье направление было связано с мировым оплотом простонародья — с СССР. Без его нейтрализации реализа-

Любому внимательному наблюдателю было ясно: со временем США выберутся из затруднительного положения и перейдут в контрнаступление (как писал А.Е. Вандам (Едрихин): "Хуже вражды с англосаксом может быть только дружба с ним"), поэтому нам надо было если не "уронить" их, то постоянно сбивать дыхание. Однако советское руководство полагало, что ядерное оружие и нефть настолько весомые факторы, что обеспечат уважительное отношение к нему со стороны североатлантических элит, и те пустят советскую номенклатуру за мировой стол на равных. Это было колоссальной ошибкой. Впрочем, за этой ошибкой стояли сытая недалёковидность той части советской верхушки, которая стремилась к стабильности ("застой") не только в стране, но и в мире, и сознательный курс тех, кто хотел "войти в Запад".

Основой этого стремления первых и вторых, обусловившей тот факт, что советское руководство ответило буржуинам на их предложения "да", были серьёзные социальные, властные и идейные ("мировоззренческие") изменения в советском обществе, прежде всего в его системообразующем элементе — верхних и средних сегментах партноменклатуры и КГБ.

Суть в следующем. Будучи отрицанием капитализма по линии производственных отношений, СССР "реальный социализм", в качестве производственной основы имел типологически ту же систему производственных сил, что и капитализм — индустриальную, только менее качественную, несмотря на все достижения. Чтобы превратиться из системного антикапитализма в посткапитализм (то, что официальная идеология называла "коммунизмом", а Стругац-

Что касается ОГАС, то высшая номенклатура квазиклассовым шкурным нутром поняла: в случае внедрения этой системы ей придётся подчиниться, рядом с "партократами" появятся "технократы", и именно в их руках могут оказаться многие рычаги власти. Иными словами, в случае реализации ОГАС могло на научно-технической, производственной основе произойти то, чего Сталин в 1952 году хотел добиться политическими средствами — отодвинуть партаппарат от управления обществом, оставив ему идеологию, пропаганду и подбор кадров, а "центр силы" переместить в Совет Министров.

НЕ МЕНЕЕ советской верхушки была напугана западная, прежде всего американская. Спрогнозировав, что если русские полностью введут ОГАС до 1970 года, то оставят США навсегда позади, администрация президента Джонсона создала группу SRC (to stop Russian/Red code — "остановить русский/красный код"). Началось шельмование Глушкова и ОГАС как на Западе, так и в СССР. Постоянно говорилось, что ОГАС — слишком дорогая затея, а потому не стоит взваливать на нашу экономику такое бремя. Отголоски этой аргументации встречаются до сих пор. Глушков не отрицал, что ОГАС — очень дорогостоящий проект. Однако если учесть, что около 30–40% бюджета СССР мягко говоря, "терялся", а ОГАС делал административную и экономическую систему прозрачной (это само по себе страшило хозноменклатуру — не смухлюешь), то экономика этих средств с лихвой покрывала бы все расходы на ОГАС. Но, увы, квазиклассовый интерес

КГБ превращались в функциональный элемент западной (мировой, наднациональной) корпоратократии и были заинтересованы в расширении контактов с Западом, т.е. в интеграции СССР в капиталистическую систему. Сегменты эти количественно были невелики, однако, во-первых, как говорил Эйнштейн, мир — понятие не количественное, а качественное; во-вторых, хотя торговля сырьём и не играла в экспорте СССР такой роли, как в РФ, и преувеличивать её экономическое значение не стоит, её политическая роль и значение были велики, и те, кто осуществлял её и обеспечивал по спецслужбистской линии, резко увеличивали свои властные потенции и возможности в системе. Надо ли говорить о том, что эти люди хотели "жить как на Западе"?

Противоречие советского сегмента коллег — соэксплуататоров западного капитала заключалось в следующем. Функционально они отчасти выступали как элемент капиталистической корпоратократии, субстанционально же, по социальному содержанию они были номенклатурой (господствующей группой) антикапиталистической системы. Это противоречие должно было разрешиться, причём по мере интеграции части высшей номенклатуры и СССР в капиталистическую систему и превращения номенклатуры в квазикласс (это две стороны одного процесса) вероятность антисоциалистического варианта разрешения этого противоречия возрастала как объективно-системно, так и субъектно, т.е. укреплялся субъект реализации данного варианта и ослаблялся субъект собственно антикапиталистический перед лицом Запада. И на Западе это почувствовали. Неслу-

СССР Великую Отечественную выиграл, а царская Россия Первую мировую проиграла). Во-вторых, как только в 1937 году СССР добился военно-промышленной автаркии от капиталистического мира, сырьевая составляющая экспорта, а вместе с ней составная внешняя эксплуатация уменьшились и системный антикапитализм резко сузил зону косвенной капиталистической эксплуатации.

В 1938 году Мюнхенский договор, которым следует датировать начало Второй мировой войны (парадоксальным образом это подтверждает У. Черчилль), стал попыткой создать протоНАТО для уничтожения СССР силами Германии. Однако Сталин советско-германским договором переиграл прежде всего британцев, чего они (да и Запад в целом) до сих пор не могут ему простить, и война пошла другим "курсом".

Во время войны СССР был нужен союзникам. Ситуация изменилась после 1945 года, когда США, имея атомную бомбу, планировали "вбомбить" СССР в каменный век, однако вскоре советские атомная, а затем водородная бомбы (есть информация, что первое испытание водородной бомбы планировалось на 5 марта 1953 года, но смерть Сталина отодвинула его почти на полгода) охладили их пыл. В связи с этим в самом конце 1940-х годов был взят курс на бескровную борьбу на уничтожение СССР (план "Лиотэ"), первые итоги предполагалось подвести через 50 лет — в 1999 году, но управились на 10 лет раньше.

Курс на ликвидацию СССР был стратегической и долгосрочной задачей Запада, однако в среднесрочной перспективе зона системного антикапитализма, т.е. некапиталистическая зона, была не-

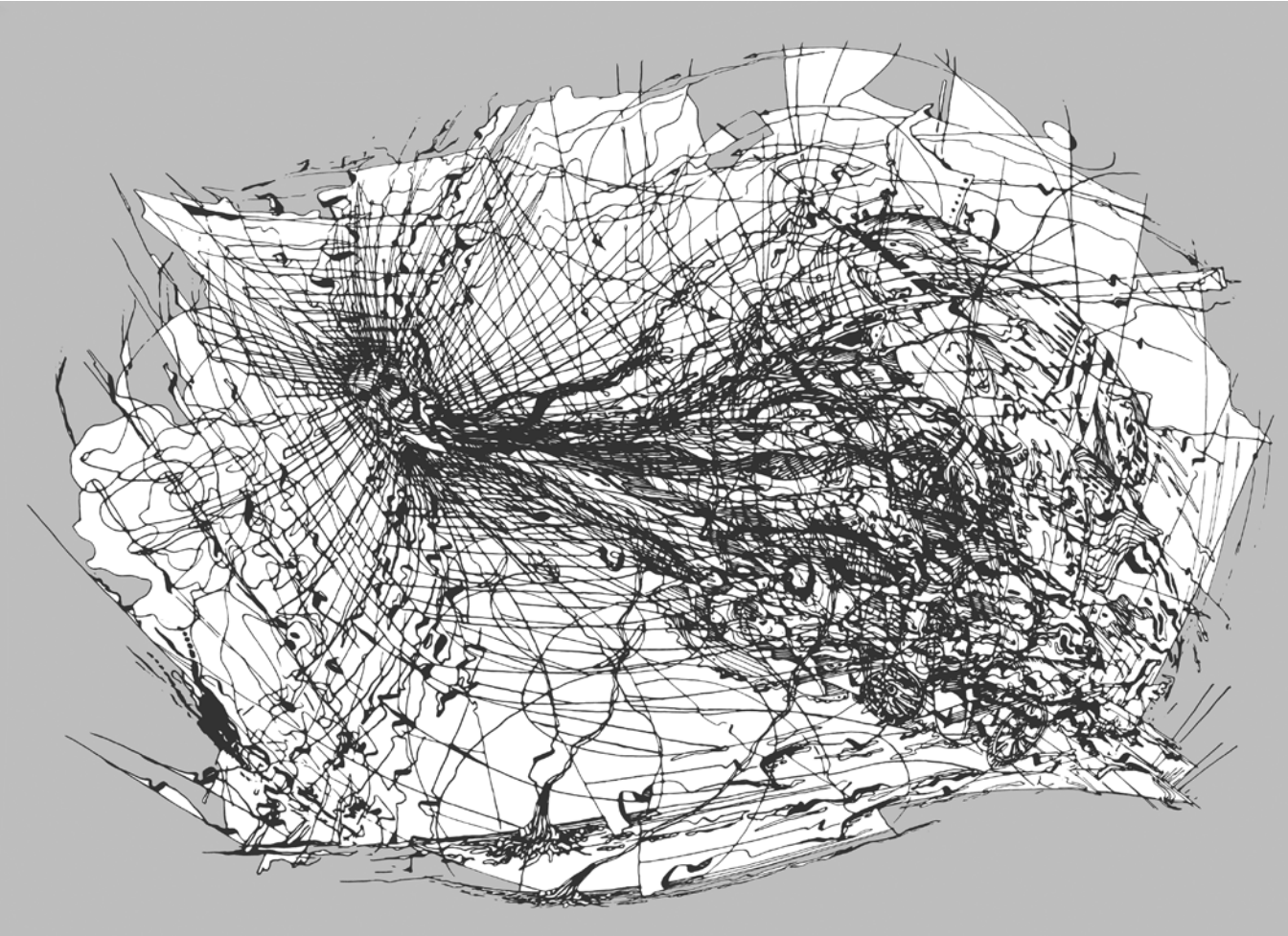
В 1982 году в США произошло внешне незначительное, но, как это нередко бывает в истории, очень важное, с далеко идущими последствиями событие. Будучи избран президентом США, Р. Рейган решил проверить, насколько точны прогнозы ЦРУ относительно перспектив развития СССР. В них утверждалось, что экономика СССР, несмотря на все трудности, развивается по восходящей и к концу 1990-х годов достигнет весьма высоких экономических показателей. Сходные прогнозы давала израильская разведка. Рейган распорядился создать три аналитико-прогностические группы под руководством физика М. Гелл-Манна, создателя Института Санта-Фе (SFJ); социолога Рэндалла Коллинза, связанного с семьёй Бухей; Б. Боннера. Группы, работавшие независимо друг от друга, через несколько месяцев выдали практически одинаковые результаты. Они прогнозировали мощный кризис, который должен был потрясти капитизм, придя двумя волнами. Первая — в 1987–1988 годах, вторая, намного более мощная, с ошущаемыми политическими последствиями во всём западном мире — в 1993–1994 годах.

Согласно прогнозам, экономика социалера должна была выйти из кризиса с меньшими потерями, чем капиталистическая: в первом случае производство сокращалось на 10–12%, во втором — на 20%. Аналитики предсказывали, что на волне кризиса весьма вероятен приход к власти в Италии и Франции коммунистов (самых по себе или в союзе с "левыми"), в Великобритании — левых лейбористов; в крупнейших городах США прогнозировались мощные негритянские бунты. Разумеется, мы не должны забывать, что коммунисты Италии, Франции и Испании были те ещё коммунисты — промасонен-

Андрей
ФУРСОВ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ КАПИТАЛИЗМА

Часть вторая

ция двух первых направлений со всеми их задачами была крайне затруднительна, если вообще возможна. Мировая верхушка предложила Советскому Союзу несколько "аттракторов" (по сути — ловушек):

- 1) сотрудничество в области экологии на планетарном уровне;
- 2) совместное осуществление управления глобальными процессами (global governance);
- 3) организация подъёма цен на нефть посредством конфликта (арабо-израильского) на Ближнем Востоке;
- 4) "лунная сделка" — признание советским руководством успеха первого американского "прилунения" в обмен на ряд финансово-экономических преференций;
- 5) политика "разрядки напряжённости" (детант, détente) — передышка, необходимая прежде всего США, оказавшимся на рубеже 1960-х–1970-х годов в крайне тяжёлом экономическом и политическом положении.

КАК УБЕДИТЕЛЬНО показал российский экономист А. Саломатин, в 1968 году США перестали быть экономически самоподдерживающимся комплексом (это тоже позволило финансовому капиталу перейти в наступление против промышленного — коррелят наступления элит на массы). Иными словами, США проиграли экономическую попку Советскому Союзу, отсюда — инициативы Римского клуба и "разрядка". Подчеркну: не СССР выиграл, а США проиграла. Однако советское руководство этот факт не осознало, а заинтересованная в интеграции в капиталистическую номенклатуру и всегда выступавшая её союзником агентура влияния Запада сделала всё, чтобы его затуманить. Как написал Саломатин, на тот момент в советском руководстве не было гениального бухгалтера вроде Сталина. Впрочем, хватило бы просто опытного бухгалтера, но в бржежневском руководстве и такого не нашлось. А вот в китайском руководстве нашлось.

Китайцы оценили свой шанс моментально. К концу 1960-х годов британцы уже неплохо продвинулись в (вос)создании невидимой финансовой империи via Сингапур и юг Китая. Однако, с одной стороны, китайцы не забыли унижения "опиумных" войн и договорных портов, с другой — они не любители складывать все яйца в одну корзину. Воспользовавшись аховой ситуацией американцев, они протянули им руку: "У вас не хватает трудовых ресурсов, а у нас их много, так дайте нам прогрессивные технологии — мы всё сделаем!" Чтобы заслужить доверие США, Китаю пришлось устроить провокацию на Даманском (1969 г.), а спустя десять лет (американцы долго "раскачивались") разыграть спектакль трёхмесячной войны с Вьетнамом. Для США КНР была важна не только экономически, но и политически — как "карта", которую можно разыграть против СССР. Результат: США вкладываются в Китай, где стартуют реформы Дэн Сяопина как средство "примангитить" американский капитал.

кие — "Миром Полудня"), нужно было решить три задачи:

- 1) создать принципиально новую систему управления как необходимого условия создания новой системы производства, превосходящей по своей производительности индустриально-капиталистическую;
- 2) создать принципиально новую, более мощную и одновременно более дешёвую, чем газонефтяная, систему энергетики;
- 3) обеспечить высокий уровень военно-технической защиты от внешнего врага ("империалистического окружения") процесса реализации первой и второй задач.

Имел ли СССР в середине 1960-х годов возможности успешного решения трёх названных выше задач и рыжка в посткапиталистическое будущее? Имел.

В первой половине 1960-х годов под руководством академика В.М. Глушкова была создана Общегосударственная автоматизированная система (ОГАС). Она переводила весь документооборот в электронный вид ("информационное общество") и выводила столкнувшееся с непреодолимой для него сложностью экономики советское планирование старого образца на кибернетические рельсы. ОГАС открывала путь к рыску в постиндустриальное развитие.

В это же время группа учёных под руководством И.С. Филимоненко закончила работу по созданию гидролизной установки, осуществлявшей холодный термоядерный синтез (ХТЯС). Реализация этого проекта позволяла перейти к дешёвой энергии, "закрывающей" нефтянку как дорогую и ненужную (прошайте, Рокфеллеры, Ротшильды и все-все-все).

Наконец, в середине 1960-х годов под руководством советского авиа- и космостроителя В.Н. Челомея был совершён такой прорыв в военной технике, который, будучи реализован, оставлял США "в офсайде" на многие десятилетия, если не навсегда. Речь идёт о системе ПААКРК (подводные автономные автоматизированные контейнерные ракетные комплексы); наступательно-оборонительной системе "Закат" (имелась в виду закат США), она же — "Башмак" (аллюзия к знаменитому хрущёвскому выступлению в ООН); манёвренных спутника-перехватчиков Космос-252, пилотируемых разведывательно-боевых платформам "Алмаз" и о многом другом.

Однако ни один из этих проектов, обещающих рывок в будущее и победу в мировом масштабе социализма, превращающегося из антикапитализма в посткапитализм, реализован не был. Его заблокировала в своих интересах номенклатура как квазиклассовая группа, сформировавшаяся в 1930-е–1950-е годы на основе индустриального антикапитализма и его места в международном разделении труда (т.е. места антикапитализма как системы в капиталистической системе, в её мировом рынке) и стремившаяся к сохранению своего положения — т.е. власти и привилегий, — которое переход к посткапитализму, несомненно, изменил бы. Однако обо всём по порядку.

оказался сильнее, и к 1970 году ОГАС спустились на тормозах. Американцы могли спокойно вздохнуть.

В начале 1967 года комиссия ЦК КПСС признала результаты работы группы Филимоненко выдающимся достижением в области физики, медицины и биологии, а полгода спустя новая комиссия ЦК закрыла исследования, претили Филимоненко работы по ХТЯС и изыла техническую и экономическую документацию. Проект был не просто спущен на тормозах, а зарблен. Срботала та часть номенклатуры, которая уже была вовлечена в международную торговлю нефтью, жила предощущением от перспектив будущих прибылей и смела очертить идею ХТЯС в глазах бржежневского руководства как несбыточную. Свою роль сыграли и спецслужбы из разных стран, под прикрытием учёных действовавшие в рамках так называемого Пагуосского движения. Парадокс, но де-факто секретносители из каплагеря и соцлагеря ежегодно собирались для открытого обсуждения проблем ядерной энергетики, и Филимоненко с его ХТЯС оказывался у этого "интернационала" костью в горле. До сих пор появляются публикации не то придурков, не то, напротив, заинтересованных лиц, понимающих суть дела, которые пытаются выставить Филимоненко кем-то средним между чудаклом и шарлатаном. Крепко он задел какие-то структуры, потревожил их "лежбище".

Разработки В.Н. Челомея тоже не были реализованы. По причинам личного характера, а также межведомственной конкуренции их гробил недалёкий Д.Ф. Устинов, которому активно помогал Ю.В. Андропов. Противники Челомея (ну и агентура влияния Запада, конечно) воспользовались "разрядкой", чтобы заблокировать внедрение прорывной челомеевской военной техники. Аргументы были просты: зачем нам всё это, если мы договариваемся с США об ограничении вооружений? В 1969–1972 годах работы практически по всем проектам Челомея были приостановлены, техническая документация была передана в другие конструкторские бюро и частично утеряна.

ШАНС ПРОРЫВА в посткапиталистическое будущее, в победу над капитализмом был не просто упущен, высшая номенклатура сознательно отказалась от него, предпочтя интеграцию в мировой рынок, т.е. в капиталистическую систему. Закорёпками в этом плане выступала та часть номенклатуры, которая уже функционально была вовлечена в капитализм по таким линиям, как торговля нефтью, газом, алмазами. Необходимо отметить, что часть номенклатуры, включённая в капитализм по линии торговли, пусть косвенно и функционально, не выступала передаточным звеном в эксплуатации западным капиталом той части трудящихся СССР, которые работали в сферах, создающих продукт прежде всего для внешней торговли. Таким образом, определённые сегменты совномеклатуры и обслуживающие её сегменты

чайню во второй половине 1970-х годов на первые роли в государствах Запада выдвинулись политики принципиально нового типа: Жискард д'Эстен, ставленник Трёхсторонней комиссии Джимики Картер и другие, ориентированные не столько на диалог, сколько на прессинг в отношении СССР. Ну а в очереди уже стояли Тэтчер и Рейган. СССР же продолжал топтаться на месте. Внешнеполитически это топтание плюс избыточный старческий пафизм привели к перехвату в середине 1970-х годов Западом исторической инициативы у СССР.

Парадокс, но моментом перехода стала формальная победа СССР — Хельсинская конференция 1975 года, когда Запад, по сути, официально, пусть с некоторыми "изъятиями", признал Ялтинскую систему. Троянским конём Хельсинских соглашений стала их "третья корзина". Она предполагала свободный обмен идеями, людьми и товарами в качестве краеугольного камня гарантий основных человеческих свобод. Поэтому с середины 1970-х годов Запад получил законное право официально давить на подписавший эту "корзину" Советский Союз за несоблюдение тех или иных пунктов. Надежды Брежнева на то, что признание Ялтинского мира перевесит "всю эту ерунду" "третьей корзины", ахнулились стране через полтора десятка лет.

Существует три вида аттракторов: движение вверх — прогресс, движение по горизонтали — застой, движение вниз — регресс. Советская номенклатура 1970-х выбрала горизонтальный (плоскостной) аттрактор, господствовавший в первую очередь в кадрах. Главная проблема горизонтальных аттракторов — в их недолговечности, так как движение всегда выскакивает "лестницу" либо вверх, либо — чаще — вниз. Низовым аттрактором для СССР, для советской номенклатуры, стала та называемая перестройка, которая обернулась разрушением системного антикапитализма, соцлагеря и СССР. На его месте в 1990-е годы возник кланово-олигархический — далее можно добавлять "по вкусу": комрадкорский, криминальный, коррупционный — строй, сокращённый — коКс (большое "К" отражает перечисленные выше "три в одном"), который сегодня уже переживает тяжёлый артроз, но это отдельная тема, мы же возвращаемся в 1960-е–1980-е годы и задаёмся вопросом: почему не только СССР был разрушен, но и весь мир сменил восходящую динамику на деградационно-деструктивную, первые "ягодки" которой мы пробуем сегодня в виде коронабесия — и то ли ещё будет. Ответы на эти вопросы во многом связаны с диалектикой и диалектикой отношений капитализма и антикапитализма в мировой системе, Запада и СССР.

Октябрьская революция, в отличие от Февральской, произошла вопреки британско-французским интересам. Теоретически Запад должен был задуть СССР в 1920-е годы, однако на практике, ослабленный войной и раздираемый противоречиями, он этого сделать не смог. К тому же накал классовых борьбы у себя дома не позволял буржуинам "раздуть плечо" по поводу СССР. В 1930-е годы системно-антикапиталистический СССР уже стал необходим и американцам, и даже неосознанно экзистенциальному врагу России — британцам. И тех, и других вкладывать средства в СССР заставил мировой кризис 1929–1933 годов. При этом у американцев был дополнительный резон. В 1929 году директор Банка Англии Монтегю Норман закрыл Британскую империю (25% мирового рынка) от внешнего мира (т.е. от США), и это стремление британского капитала, прежде всего Ротшильдов, придуть главного бенефициара Первой мировой стало одной из главных причин мирового кризиса. После этого главной задачей США стало разрушение Британской империи. На роль терминатора был выбран Бретий рейх, который затем должен был быть сокрушён сталинским СССР. А после войны всем ослабевшим сторонам США собирались продиктовать свою волю.

Торговля с капиталистическим Западом, в которую активно включился СССР в 1930-е годы, по определению не могла быть эквивалентной, поскольку продавал СССР сырьё. Неквивалентная торговля означает эксплуатацию населения той страны, которая находится на сырьевом "участке". Следовательно, та часть советского населения, которая создавала экспортный продукт, оказывалась косвенно эксплуатируемой западным капиталом, а номенклатура выступала как передаточное звено. Однако, во-первых, в отличие от царской России, получаемые страной средства шли не в карманы великих князей, капиталистов, помещиков и попов, а работали на благо советского народа в целом, на укрепление обороноспособности страны (позтому

обходима для функционирования капитализма, прежде всего индустриального, как по политическим, так и, главное, по системно-экономическим причинам. Договариваясь с Советским Союзом, Запад мог решать некоторые свои проблемы в Третьем мире, тем более что СССР явно отдавал предпочтение своим государственным конкретным интересам перед интересами, например, национально-освободительного движения в Третьем мире (классический случай — история неосуществившейся в середине 1960-х годов структуры Триконтиненталь). Да и по поводу коммунистических и рабочих партий на Западе с СССР буржуины могли вести диалог.

В системно-экономическом плане наличие некапиталистической зоны, пусть индустриальной, было, хотя и с оговорками, тактически выгодно индустриальному капитализму, точнее, промышленному капиталу. Тем более, что со сталинских времён советское руководство объективно выступало союзником именно промышленного капитала в его противостоянии финансовому. Эта "идиллия", однако, подошла к концу в середине — второй половине 1960-х годов. Во-первых, закончились послевоенные "экономические чудеса" промышленного восстановления и, так же как перед Первой и Второй мировыми войнами, возникла проблема необходимости расширения зон господства промышленно-экономических комплексов. Только теперь, в отличие от 1914 и 1938/41 годов, их было не несколько, а два, причём, во-первых, это были принципиально разные социальные системы с принципиально разными идеологиями и мировыми проектами; во-вторых, у обеих было ядерное оружие. А потому военный вариант, особенно после опыта, которым стал Карибский кризис, был практически невозможен.

Проблема расширения индустриальной зоны значительно более остро стояла перед промышленным капиталом Запада, чем перед СССР. Дальнейшее развитие индустриального капитализма на Западе при всё нараставшей угрозе перепроизводства товаров требовало деиндустриализации остального мира, прежде всего соцлагеря, особенно СССР и ГДР, но с соцлагеря начинать было невозможно. Поэтому под видом борьбы за экологию Запад предложил экономическую программу фактического торможения промышленного роста "в интересах человечества" всему миру и прежде всего — СССР. Это было сделано по линии Римского клуба; предложение было с восторгом принято, особенно той частью советской верхушки, которая стремилась "войти в Запад". Разумеется, Запад не собирался сходу, в краткосрочной перспективе, уничтожать СССР как промышленно-экономический (военно-промышленный) комплекс, это было невозможно. Но в долгосрочном проекте будущего глобального мира индустриального социализма (или тем более постиндустриального) вообще не должно было существовать — он должен был быть поглощён и растворён в доминируемом Западом глобальном мире; программа Римского клуба сохранения высокоразвитого ядра только на Западе.

Если для промышленного капитала Запада системный антикапитализм был краткосрочной, тактически приемлемой, хотя эта приемлемость в 1970-е годы становилась всё более напряжённой, то для (усиливавшегося по мере ослабления промышленного) финансового капитала, с одной стороны, и для набравшей силы корпоратократии — с другой, для их мира — глобального по своей сути — системный антикапитализм вообще был не нужен, он не должен был существовать, причём если не в краткосрочной, то, как минимум, в среднесрочной (10–15, самое большее 20 лет) перспективе.

ИНЫМИ СЛОВАМИ, в результате произошедших в 1970-е годы (плюс-минус 2–3 года) изменений в капиталистической системе системный антикапитализм — с точки зрения этих изменений и сил, их воплощавших, — утратил право на существование. Причём произошло это как раз тогда, когда советская номенклатура отказалась от рыжка в посткапитализм. Во-первых, она начала консервировать антикапитализм, который, несмотря на статус сверхдержавы и великопелые экономические показатели 1970-х годов, системно-исторически отработал своё не только в страновом, но и в мировом плане; начиналась новая эпоха, и только превращение в посткапитализм не просто позволяло СССР сохраниться, делало адекватным ей, а превращало его в первопоходца и хозяина будущего. Во-вторых, верхушка номенклатуры усилила интеграцию СССР в капитализм: за глобально-экологической наживкой последовала политическая — детант, и её советская номенклатура тоже проглотила.

ные "еврокоммунисты" (символично, что генсек итальянской компартии Энрико Берлингуэр был сыном одного из наиболее видных масонов Италии); однако Рейгана и компанию приход к власти даже таких сил на фоне переживающих не лучшие дни США напугал.

СМОМЕНТА ПОЛУЧЕНИЯ прогнозов трёх групп "окончательное решение советского вопроса" стало задачей № 1 администрации Рейгана, широкого круга его союзников и тех сил, которые стояли за ним. Но это окончательное решение не могло быть достигнуто военным способом извне, СССР должно было ослабить только изнутри — экономически, политически, культурно-психологически. Сделать это можно было только изменив социально-экономический строй СССР, и уже на этой и только на этой основе прерватив его в то, чем была Российская империя в конце XIX — начале XX века — в слабозавитую страну, сырьевой придаток ядра капитистемы (Запада), зависимый от него технологически, финансово и идейно-культурно. Уже на второй год президентства Рейгана в сверхсекретном режиме в количестве 30 экземпляров была подготовлена директива NSDD-75 "US relations with USSR". В ней чётко фиксировалась цель: не уничтожение СССР, а изменение социально-экономического строя. В частности, говорилось о том, что главным средством изменения советского строя должно стать содействие экономическим операциям партноменклатуры и КГБ на мировом рынке и оказание технологической помощи советской экономике.

Расчёт здесь ясен: внешнеэкономические операции, осуществлявшиеся определённым сегментом парт- и Гб-номенклатуры, всё более интегрировали верхушку СССР в капитизм и таким образом подрывали советский строй изнутри; технологическая "помощь" осуществлялась прежде всего тем сегментам советской экономики, которые тесно контактировали с Западом и развитие которых блокировало реальное развитие СССР; ну а сверхзадача — усиление кризисных тенденций в советской экономике. Таким образом, в 1983 году Запад, США от политики внешнего воздействия на СССР ("сдерживания", "локальных конфликтов") перешли к стратегии внутрисистемного разложения противника, т.е. перенесли военные действия на его территорию, только военные действия носили организационный характер. При этом речь не шла о геополитическом уничтожении СССР в лучшем случае — реконфигурации; для начала — "СССР минус Прибалтика и что-то ещё". Вышло иначе, и связано с, с одной стороны, с тем, что в процесс активно вмешались иные силы на Западе, с другой — и это главное — свою роль сыграл советский фактор, действия тех сил внутри СССР, которые не имели намерения разрушать страну, но ставили задачу изменить строй (а получилось "хотели как лучше, а вышло как всегда"). Таким образом, их задача и задача американцев формально совпали — формально, поскольку советский "сегмент" не собирался превращать СССР в слабозавитую зависимую от Запада страну. Однако произошло иначе: "западники" оказались умнее, сильнее, изощреннее. Ну и, конечно же, "случай, бог изобретатель", роль которого резко возрастает во время системных и структурных кризисов, случай — это в известном смысле их закономерность. Проблема совпадения задач сил по разные стороны системных баррикад будет освещена в следующей статье, а сейчас имеет смысл отметить тот факт, что пессимистические для капитализма прогнозы были сделаны в это же время и по другую сторону океана, в Советском Союзе.

Их авторами были Владимир Крылов и Побисл Кузнецов. Теперь остаётся только гадать, готовились ли эти прогнозы непосредственно под Ю.В. Андропова, и насколько он был знаком с их текстами. Крылов увидел вектор в неминуемом усилении давления США на СССР. Кузнецов ясно указал на то, что экономический механизм капитализма в 1993–1995 годах приведёт к тому, что количество долларов в мировой экономике относительно одного киловатта электроэнергии достигнет граничных пределов, что породит гиперинфляцию. Это означало, что уже в конце XX века капитизма будет лежать в руинах. Руины действительно появились, но то были руины социсистемы. Кстати, насколько мне известно, единственным шансом Запада (капитализма) на спасение П. Кузнецов считал экономический захват им стран СЭВ (в первую очередь, конечно, СССР) как рынков сбыта продукции и выкачивания дешёвого сырья. Однако экономический захват, добавлю я, требовал политической (системной) капитуляции СССР и установления, по сути, внешнего управления; способом решения этой задачи и стала ельцинщина.

Иллюстрация: рисунок Василия Проханова «Эманация № 7»

Продолжение следует